

Генри Лайон Олди

Вечные песни о главном, или Фанты для фэна

*Часть сборника
Фанты для фэна (сборник)*

Генри Олди

**Вечные песни о главном,
или Фанты для фэна**

«Автор»

2005

Олди Г. Л.

Вечные песни о главном, или Фанты для фэна / Г. Л. Олди —
«Автор», 2005

ISBN 978-5-457-10451-8

«Перед тем как начать наш очередной семинар для молодых, не очень молодых и совсем не молодых авторов, мы хотели бы предупредить: дело в том, что наши советы, а особенно следование им, зачастую снижают будущие тиражи. Поэтому слабонервных сразу просим удалиться. Очень хорошо. Те, кто остались, знают, чем рискуют...»

ISBN 978-5-457-10451-8

© Олди Г. Л., 2005
© Автор, 2005

Содержание

ТЕЗИС 1. В фантастике главное – фантастическая идея. Все остальное (эстетика, язык, стиль писателя, характеры героев, антураж, лирические и психологические отступления, пейзажные зарисовки, портреты персонажей и т. д.) – второстепенно и служит только вспомогательными средствами для раскрытия фантастической идеи	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Г. Л. Олди

ВЕЧНЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

ИЛИ

ФАНТЫ ДЛЯ ФЭНА

(семинар молодых авторов на «Звездном Мосту-2005»¹)

«...По правде сказать, я испытываю весьма мало уважения к дорогой публике, которую обречен ублажать, как ханжа Трэш в „Варфоломеевской ярмарке“, трещотками и имбирными пряниками, и я был бы весьма неискреннен перед теми, кому, быть может, случится прочесть мои признания, если бы написал, что публика, на мой взгляд, заслуживает внимания или что она способна оценить утонченные красоты произведения. Она взвешивает достоинства и недостатки фунтами. У тебя хорошая репутация – можешь писать любой вздор. У тебя плохая репутация – можешь писать как Гомер, ты все равно не понравишься ни одному читателю. Я, пожалуй, ребенок, испорченный успехом, но я прикован к столбу и должен волей-неволей стоять до конца...»

Вальтер Скотт, дневники, 1829 г.

«Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели»

С. Маршак.

«Да, это – знаменья ясные в груди тех, которым даровано знание; отрицают наши знаменья только тираны!»

Коран, сура «Паук»

Перед тем как начать наш очередной семинар для молодых, не очень молодых и совсем не молодых авторов, мы хотели бы предупредить: дело в том, что наши советы, а особенно следование им, зачастую снижают будущие тиражи. Поэтому слабонервных сразу просим удалиться.

Очень хорошо.

Те, кто остались, знают, чем рискуют.

Итак, краткая прелюдия.

Недавно в журнале «Реальность фантастики» вышла в свет наша статья «Сеанс магии с последующим разоблачением, или Секстет для эстета». Там мы попытались рассмотреть с точки зрения так называемого «эстета» – человека, фантастику не читающего и отвергающего принципиально – основные тезисы, по которым «эстет» отрицательно оценивает фантастику. И попытаться доказать хотя бы для себя, что тезисы эти совершенно нелитературны – скажем, размер тиража или скорость письма, или что-нибудь в этом роде. Довольно быстро в журнале началась полемика, Владимир Пузий и Михаил Назаренко написали свою контр-статью, где возражали нам и спрашивали: где же Олди видели таких эстетов, если их в природе нет, и с кем в этом случае мы полемизируем?

Сообщаем: таких эстетов мы видели.

Во-первых, в Союзах писателей России и Украины, особенно в руководстве. Потому что под соусом указанных нами тезисов мы, Александр Зорич, Михаил Бабкин и ряд других авторов в эти союзы приняты не были. Тезисы прозвучали, фантастам отказали.

Во-вторых, таких эстетов мы видели в литературном институте им. Горького. Обычно это профессора, заведующие кафедрами, деканы и ректоры.

В-третьих, таких эстетов мы регулярно видим на телевидении в литературных передачах, в профильных высших учебных заведениях, на кухонных посиделках, на богемных тусовках и прочее-прочее-прочее.

Но!

Наш сегодняшний разговор не про эстетов, а про фэнов. Так что заранее готовьте вопросы, где Олди видели таких фэнов.

На самом деле коренной (или ортодоксальный) фэн и не к ночи вышеупомянутый эстет, как это ни парадоксально звучит, – две стороны одной медали. Во многом они сходятся, даже сами не очень это понимая. Особенно данная непонятливость видна со стороны фэнов, ибо эстеты аргументы фэнов умело используют в свою пользу. Это противоположности, которые, как известно, суть единство и борьба. И оказывается, что единства здесь куда больше, чем борьбы.

В чем же они схожи: эстет с фэном?

Первое: и те, и другие, как правило, не читают ту литературу, которую ругают. Эстеты не читают фантастику, а фэны-ортодоксы в большинстве не читают всю остальную литературу. При этом, практически ничего не зная о той области литературы, которую они, мягко говоря, критикуют, обе стороны берут на себя смелость отказывать ей в литературности, говорить, что это плохо по разным причинам и критериям, и утверждать это с совершенно невероятным апломбом.

Второе: Как мы уже говорили, и те и другие категорически уверены в своей правоте. Может быть только так, и никак иначе, а кто считает по-другому, тот дурак.

Третий момент, о чем, собственно, у нас и пойдет речь, заключается в следующем. И те, и другие, и заядлые фэны, и оголтелые эстеты (если хотите, поменяйте эпитеты местами, это не важно) предъявляют к литературе, причем в первую очередь к критикуемой ими литературе, нелитературные критерии оценки. Оценивают не реальные литературные достоинства произведения, которые, кстати, тоже зачастую достаточно субъективны, а применяют некие внелитературные параметры, и согласно этим параметрам отказывают оппонентам в праве на литературу, достойную возвышенного или увлекательного чтения.

Поскольку речь сейчас в первую очередь о фантастике, а не, скажем, о дамском, историческом или детективном романе, поэтому разговор пойдет о критериях почтенного господина фэна, которые он предъявляет к своей любимой фантастике. Фэн априори фантастику любит, значит, он ее читал. Следовательно, выдвинутые им требования должны удовлетворять его вкус, объяснять, почему же ему, собственно, нравится именно это направление литературы. Итак, что же говорит фэн-ортодокс о фантастике?

Ибо то, что говорит фэн-ортодокс о всей остальной литературе, кроме фантастики, повторять в приличном обществе не рекомендуется.

ТЕЗИС 1. В фантастике главное – фантастическая идея. Все остальное (эстетика, язык, стиль писателя, характеры героев, антураж, лирические и психологические отступления, пейзажные зарисовки, портреты персонажей и т. д.) – второстепенно и служит только вспомогательными средствами для раскрытия фантастической идеи

«Так называемое „произведение“ рассчитано исключительно на людей, не имеющих фундаментального образования и глубоких познаний в истории культуры, но нахватавшихся по верхам и испытывающих комплекс неполноценности от осознания своей ущербности. Вывод – книга рассчитана на представителей рабочего класса, сподобившихся окончить политех.»

Говорят читатели

Раскрытие Великой Фантастической Идеи.

Казалось бы, все совершенно литературно.

Другое дело, что в последнее время, если вы следите за мутациями термина «фантастическая идея», в этом словосочетании слово «фантастическая» стали опускать. Теперь все чаще это просто называют ИДЕЕЙ. Спросите у любого правоверного фэна – и он вам объяснит, что это за зверь: фантастическая идея. Подводная лодка в «20 000 лье под водой» Жюль Верна, лазер в «Гиперболоиде инженера Гарина» Алексея Толстого, машина времени у Герберта Уэллса и так далее. Вроде бы все нормально и литературно: ну кто такой капитан Немо без «Наутилуса»?! Кто такой Гарин без своего замечательного гиперболоида и герой Уэллса без машины времени?! Кто такая, наконец, Баба Яга без помела и ступы?! За исключением малой детальки, без которой машина, как без двигателя, не ездит. Все вышеуказанное, может быть, штука и фантастическая, но никаким боком НЕ ИДЕЯ. Рядом не лежало.

Почему?

Давайте возьмем такую занудную вещь как идейно-тематический анализ. Не спешите разбегаться, господа писатели, мы не собираемся грузить этим ваши впечатлительные натуры. Просто, на минуточку вспомнив свое режиссерско-актерское прошлое, хотим заметить в упрощенном варианте: тема – она всегда конкретна, а идея всегда абстрактна. Тема – это материал, на котором строится книга, а идея – то главное, что хочет сказать этой книгой автор.

Тема отвечает на вопрос: ЧТО? Идея: О ЧЕМ? Сверхзадача: ЗАЧЕМ? (чего я-писатель хочу от читателя: понимания, просветления, восхищения, денег – нужное подчеркнуть).

Если, скажем, режиссер ставит трагедию «Ромео и Джульетта», то темой является конфликт двух знатных семейств в Вероне такого-то века... Можете, если угодно, продолжить до победного конца. Понятный, конкретный материал. Два семейства поругались, возникли проблемы, четко указано время и место действия. Что-то вроде хорошей аннотации: прочитал – и уже в теме. Командуйте художнику и костюмеру, какой реквизит подбирать на складе.

А вот идея...

Мы с вами в ближайшее время, к счастью, не в состоянии обратиться к Шекспиру и спросить: какую идею, почтенный Вильям, вкладывали лично вы? Значит, при постановке

спектакля идею режиссер формулирует сам, ставя свои задачи. Вы можете поставить спектакль о том, что, к примеру, любовь бессмертна и побеждает даже физическую смерть. Тогда вы расставите определенные акценты, подчеркивая эту идею. Или можете взять другую идею: допустим, наш жестокий век убивает все святое, особенно любовь, утопив чувство в нужнике реальности. Спектакль (или книга, если угодно) сразу заиграет иными гранями. Теперь мы говорим не о жизнеутверждающем начале, а наоборот, о пессимистическом – все умерли, а оставшимся в живых очень плохо. Главный признак настоящей литературы, если верить специалистам.

Но в любом из приведенных примеров идея абстрактна. Она выражает какую-то общую мысль или концепцию.

ИДЕЮ, одним словом.

Скажите, пожалуйста: неужели в романе «Мир-кольцо» мир-кольцо способен являться идеей романа?! Честное слово, мы оба впадаем в депрессию, когда некоторые читатели нам рассказывают: "Олди, в вашем романе «Путь Меча» чудесная идея – *у вас мечи разговаривают!*»

То есть, правоверный фэн берет некую сущность, которую называет сперва фантастической идеей, затем просто идеей книги, и постепенно, шаг за шагом выводит ее в ранг идеологии текста, главной мысли (чувства, мироощущения) автора. И зря. Лазер – это не идея. В книге «Гиперболоид инженера Гарина» может, скажем, звучать идея: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Может идти речь об идее ответственности изобретателя за свое изобретение в социальном смысле. Может быть прописан крах человека, возжелавшего стать сверхчеловеком. Мы меньше всего намерены сейчас вас просвещать – каждый прочтет книгу и сам выстроит себе идею.

Так что ж тогда означает для книги лазер?

Что берет фэн, называя это идеей?!

Это ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ДОПУЩЕНИЕ. Фантастический элемент, или, как говорят в театре, предлагаемое обстоятельство. Например, я команду: «Девушка, прочитайте мне монолог Катерины „Почему люди не летают?“ из „Грозы“ Островского». Девушка читает – люди, мол, не летают как птицы, потому что станут гадить друг другу на голову. Не нравится мне, как девушка читает монолог. Тускло, скверно, без огонька. Я и предлагаю: «Милая, вот представь себе, что ты сейчас взлетишь. Читаешь, а дыхание подкатывает, земля уходит из-под ног, начинаешь терять равновесие!..» Актриса пробует, представляет, пошел верный звук, монолог приобретает новые краски! Так вот, неужели идеей монолога является предложение режиссера: «Представь, что ты летаешь!»? Неужели ЛЕВИТАЦИЯ внезапно становится идеей монолога?

Нет. Это ПРЕДЛАГАЕМОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО.

Инструмент для достижения поставленной цели.

А правоверный фэн берет этот вспомогательный, технический элемент, задача которого подчеркнуть наиболее остро, под неожиданным углом, те или иные социальные, личностные, Бог знает какие черты книги – и возводит в ранг ИДЕИ... «Милая, самое главное в тебе – левый глаз! И даже не собственно он, а то, как он косит...». Может, это и чудесно, что глаз косит, мы же не против. Но едва допущение, предлагаемое обстоятельство, оно же «фантастическая идея» ставится в центр восприятия, делается главным достоинством, становится «просто идеей», – книга начинает усыхать. Частности становятся основой, средство становится целью. От всего монолога остается лишь режиссерская задача актрисы – почувствуй, что ты летаешь. Все остальное исчезло, потеряло смысл. «У них мечи разговаривают», и баста. Хотелось поговорить об агрессии и путях ее «самоотвода», о феодальной утопии, о королях и капусте...

Нет, «мечи разговаривают»!

Все! Фэн приехал! Он четко знает идею произведения.

Когда писатель работает над книгой, он пьесу, которая у него в душе, сердце и голове, ставит «на бумаге» в виде моно-спектакля. Сам себе актерская труппа и режиссер, осветитель и художник, рабочий сцены и директор театра. Понимаете, в чем смысл? Один за всех. Но когда книга попадает к читателю, читатель не получает в руки готового спектакля. Он заново получает пьесу (правда, вместе с частичной режиссерской экспликацией), которую обязан ставить на своем театре. Читатель теперь *сам себе* осветитель, художник, режиссер, дирижер, актер и так далее. Если этот театр бездарен, если этот театр в качестве идеи возьмет: «Ах, лазер! – смотри-ка, блин, автор предвидел развитие науки!» – то все восприятие книги для этого читателя сведется к одной-единственной мысли, как к центру Вселенной:

«Ишь, лазер предвидел! Подлодку изобрел!»

Сейчас появилось разоблачение: оказывается, не Жюль Верн первым описал подлодку, а до него кто-то об этом уже писал. Очень важно! Ну, чертовски важно, кто первым написал, какая штука плавает под водой, да?! И спектакль соответственный получился: вместо власти – сплошной гиперболоид. Дамы и господа, идея зависит не только от писателя. Она зависит и от читателя. Один вложил, а второй увидел или не увидел, или увидел совсем другое. Можно «Гамлета» поставить тысячью способов, и каждый раз с разной идеей. Помнится, существовала оригинальная постановка, где, согласно режиссерской концепции, Офелия была католическая церковь, а Гамлет был Спаситель – английская версия, религиозная насквозь. Провалилась с величайшим треском. Но – почему нет? Мы можем о Гамлете поставить спектакль, где месть ведет к гибели. А можем выдвинуть идею, что злодеяние должно быть наказано любой ценой. А теперь представьте, если мы в качестве идеологического зерна «Гамлета» выдвинем фантастическую идею:

«У НИХ ПРИЗРАКИ ПО ЕВРОПЕ ХОДЯТ!!!»

Какая замечательная идея! Представляете, весь спектакль об этом! В начале был призрак, все остальное – ерунда!

Итак, фантастическое допущение или фантастический элемент, или предлагаемое обстоятельство (назовите, как хотите) не является литературным критерием и тем паче литературным достоинством произведения. Фантастика, оцененная по этому критерию, выходит за рамки литературы. КАК написано, уже не играет никакой роли: лазер достоверно изображен? – ну и слава богу, чудесная книжка!

Вы что, никогда не читали отклики: «У автора в книге все хорошо, но крепость описана неточно: донжон должен быть на три метра выше». Вот оно! – предлагаемые обстоятельства вылезли вперед. Ну, донжон. Ну, три метра. Для литературы невероятно важно. Тем самым фэн дает эстету сильный козырь: «Смотрите: они оценивают свою любимую фантастику по совершенно нелитературному критерию! Значит, какая же это литература? – а ни-ка-ка-я!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.